

Якоб Вальтер

ПОД ЗНАМЕНАМИ БОНАПАРТА ПО ЕВРОПЕ И РОССИИ

*Перевод с
английского В. Пахомова*

ГЛАВА I

КАМПАНИЯ 1806 и 1807 гг.

В 1806 году я и многие мои друзья были призваны на военную службу по объявленной в то время мобилизации, и был определен в полк «Ромих», который впоследствии был переименован во «Франкемон» и получил номер 4.¹ Этот полк входил в состав гарнизона Людвигсбурга. Осенью, вместе с полком, я отправился в Прусскую кампании, которую император Наполеон с другими государями, своими союзниками, начал против Пруссии. Осенью мы прошли через Эльванген,

¹ По старой традиции Вюртемберга, полки, собираемые в Эльвангене, носили имена своих командиров. В мае 1811 года вышел приказ отменить этот обычай и назначать полкам порядковые номера. — Прим. перев.

Нюрнберг, Ансбах, Байройт, Плауэн, саксонский Дрезден, а затем через Бунцлау в Гроссглогау,² в Силезию, где оставались в гарнизоне в течение примерно трех недель.

Якоб Вальтер
(в возрасте 50-ти лет)

За период с января по март, с половиной

² Глогув (Głogów), Польша. — Прим. перев.

моего полка я должен был сопровождать несколько колонн пленных пруссаков из Глогау назад через Кроссен,³ Франкфурт-на-Одере и Дрезден, где нам позволили отдохнуть. Мы повсюду жили на хороших квартирах, которые постоянно поддерживали мое здоровье и хорошее настроение, несмотря на продолжительный марш. Кроме того, мне было всего девятнадцать лет, и это часто побуждало меня участвовать в легкомысленных и опасных приключениях. Во время нашего возвращения в Глогау, наш конвой и баварский корпус были окружены пруссаками в Бунцлау. Мы заперли все ворота и занимались отловом вражеских лазутчиков.

Так случилось, что мой товарищ, живший со мной на одной квартире, захотел, чтобы наш хозяин спел песенку. Тем не менее, тот отказался это сделать, он всю ночь сидел на скамейке возле печки и плакал. И поскольку он был так грустен, что не мог петь, солдат Хуммель решил напугать его — взял винтовку, взвел курок и выстрелил. Пуля прошла между мной и другим солдатом, и застряла в стене. Я рассказал об этом, чтобы показать, как дико себя вели солдаты в то время.

³ Кросно-Оджаньске (Krosno Odrzańskie), Польша. — Прим. перев.

Шпиона, которым оказался деревенский кузнец, доставили в караульное помещение. У него нашли письма и приказ передать пруссакам информацию о нашей силе и численности. Он был уложен на скамейке и избит двумя или тремя капралами. Двое держали его голову, а другие двое, ноги. С него сняли его кожаные штаны, смочили их в воде, а затем он получил около ста пятидесяти ударов. В конце концов, он уже не мог говорить, потому что он находился в полумертвом состоянии. При каждом ударе лейтенант говорил кузнецу: «Это баварский талер, это вюртембергский талер», и при этом хохотал как безумный. После порки его отвели на гумно и расстреляли. В тот день множество невинных горожан было избито прикладами.

После того как осаждавшие нас пруссаки испугались и ушли, мы смогли продолжить наш путь в Глогау.

После того, как я провел в Глогау один прекрасный день, меня в составе части моего полка отправили сопровождать 19 фургонов с деньгами Великой армии. Эти фургоны вели четверки и шестерки лошадей, и многие из них каждый день увязали в грязи. Этот марш проходил через Бреслау,⁴ а затем через польскую границу в Калиш,

⁴ Вроцлав (Wrocław), Польша. — Прим. перев.

Позен,⁵ Гнезен,⁶ Иновроцлав и Торн⁷ на реке Висла, где этот обоз был сдан. Оттуда мы должны были вернуться в Гнезен — большой польский город. Там у нас находился склад, который нам надо было охранять и поддерживать яркий огонь. В этом доме жила жена польского солдата, у которой научился достаточно хорошо говорить по-польски. В течение двух недель нашего пребывания мы страдали от холода, наши ноги мерзли, а зима была холодная.

⁵ Познань (Poznań), Польша. — Прим. перев.

⁶ Гнезно (Gniezno), Польша. — Прим. перев.

⁷ Торунь (Toruń), Польша. — Прим. перев.

Солдат из вюртембергского полка "Ромиг"

В конце концов, восемь человек, в том числе и меня, комендант города отправил в отдаленные деревни. Я получил несколько письменных приказов о доставке продовольствия, но, тем не менее, хотя я и не знал дороги, я не был обеспечен проводником. Но поскольку я должен был выполнить свое задание, я, как и другие мои товарищи, отправился в еврейский квартал, где все говорили, но мало кто мог читать или писать по-немецки, и совсем немногие, как я выяснил, умели читать по-польски. Там я хотел взять первого же попавшегося еврея в качестве проводника, но он сбежал, и за другими также пришлось гоняться. Наконец, я погнался за одним из них до самого чердака его дома и, в конце концов, настиг его в окружении множества женщин и детей. Здесь он решил защищаться, и мне пришлось применить силу. Я взял его за пальто, протащил вниз на два лестничных пролета, и вынужден был держать и бить его почти два часа, угрожая ему расправой, если он должен не привести меня в нужную деревню. Здесь мне пришлось вброд перейти через озеро, и вода покрывала мои колени. Я скомандовал еврею идти вперед, но боясь утонуть, он завыл так громко, что я рассмеялся и тотчас отправил его обратно. После того как мы пересекли озеро, он присел и вылил воду из своих сапог.

Помещик первой встреченной мною деревни

отправил меня в дом старосты. Но, когда я вошел в комнату через соломенную дверь, я не мог уже стоять на ногах, и из-за сплошного дыма ничего не видел вокруг себя. Это заставило меня остановиться на ночь в помещицьем доме.

На следующий день я должен был посетить восемь деревень, но часто на деле удавалось лишь одну или две в день, потому что приходилось проходить расстояние в три-четыре мили.⁸ В одном поместье я не смог получить проводника, поскольку, увидев меня, все разбежались и попрятались. На меня набросилась огромная собака, и под влиянием обычного юношеского порыва я застрелил ее. Это было еще одной причиной, почему я не получил проводника. Я путешествовал один, по своему собственному желанию, в деревни других районов, где, как почти и везде, получал подарки, которые очень порадовали меня.

Поскольку, как я уже сказал, мне потребовалось восемь дней вместо четырех, чтобы обойти деревни, и поскольку наш обоз поспешно покинул Гнезен, я и трое других вернулся слишком поздно. Наш обоз уже ушел. И получив его

⁸ Вюртембергская миля — 7,448 м. — Прим. перев.

направление маршрута из Гнезена в Нейссе, ⁹ крепости в Силезии, нам пришлось одним пройти около ста штунде.¹⁰

Поскольку нас было четверо, мы решили не спешить догонять наш обоз, а постараться сделать наше путешествие наиболее комфортным. Мы посетили местных помещиков, которые обычно старались не давать нам своих собственных хороших лошадей, и пригрозили им, что нам нужно к завтрашнему дню догнать обоз, а если мы этого не сумеем, то они понесут за это наказание. Если нам нужны были лошади, мы пользовались этим методом так же, как и физической силой.

В этот раз мы взяли четырех лошадей, но, к сожалению, путь наш пролегал через большой правительственный город Позен. Там служащий сказал что-то горожанам, но мы ничего не поняли и продолжали путь. Нам захотелось выпить немного водки в последнем пригороде, и только тогда мы остановились. И почти сразу, восседая на белом коне, прибыл польский генерал местного гарнизона. Наша ситуация оказалась незавидной, и мы должны были быстро решить, что делать. Наш самый

⁹ Ныса (Nysa), Польша. — Прим. перев.

¹⁰ Вюртембергский штунде — 3,7 км. — Прим. перев.

болезненно выглядевший товарищ лег на землю и начал непрестанно стонать. Вместо приветствия генерал стал угрожать, что напишет жалобу в наш штаб в Силезии о таком использовании его лошадей. Это могло произойти, если только больной вызывал сомнения у генерала. Защищая себя, мы заявили, что у нас тоже есть право пожаловаться в нашем полку, что Его Превосходительство генерал помешал нашему движению, что привело к смерти больного. После этого нам дали повозку, запряженную двумя лошадьми, и мы смогли продолжить путь, смеясь и подшучивая над нашим здоровым «больным товарищем».

После Позена мы прибыли в маленький польский гарнизонный городок под названием Фрауштадт.¹¹ Я не могу не упомянуть этот город из-за его ветряных мельниц, коих насчитал ровно 99.

После Фрауштадта мы, совершив несколько переходов, пришли в Глогау, и в канун Пасхи квартировались там у какого-то еврея. Поскольку мы были уже знакомы с этим городом, мы хотели, чтобы у евреев осталось что-нибудь на память о нас. Провизию, как и обычно, по причине их

¹¹ Вскова (Wschowa), Польша. — Прим. перев.

жадности и корысти, мы взяли насильно и, поскольку у евреев всегда дома был фарфор, мы собрали всю фарфоровую посуду и ели из нее так шумно, что перед домом собралась толпа, желавшая знать, что происходит. В качестве оправдания могу сказать, что мы и не думали умышленно есть что-то некошерное, что бы евреи потом не смогли пожаловаться на нас.

Из Глогау мы отправились с несколькими «Черными Егерями» к крепости Швейдниц.¹² Найти повозку за пределами Глогау оказалось большой проблемой. Это был первый день Пасхи, и мы обыскали каждую конюшню в деревне под названием Хохкирх, и, ничего не найдя, решили заглянуть даже в дом пастора.

Но обыскав все здание, мы также ничего не нашли, кроме одной старухи, и нам пришлось идти к церкви. Там шла месса, и она была полна людей. Там на дворе стояла красивая карета без лакея, запряженная двумя лошадьми, которых мы отвязали и увели. Поскольку мы боялись встречи с людьми из церкви, я гнал карету, пока она не наткнулась на пень и не перевернулась вместе с нами в грязь. Потом мы вновь двинулись в путь и ехали до тех пор, пока не оказались в полумиле от

¹² Свидница (Świdnica), Польша. — Прим. перев.

Швейдница. Там была таверна в лесу, где мы задешево продали карету с лошадьми трактирщику, а затем отправились дальше.

Подойдя к крепости Нейссе, мы продолжили путь с нашим полком и полком Секендорфа через Бреслау, а затем в Польше через город Калиш, Позен, Гнезен, Иновроцлав, и Торн на Висле. Оттуда мы отправились через прусскую Померанию в сторону крепости Кольберг¹³ на Балтийском море. В миле от этой крепости был город Белгард,¹⁴ с замком, который был отведен нашему королю Фридриху, пока он располагался там лагерем как генерал от кавалерии.

На пути от Торна к Кольбергу я увидел озеро в лесу у монастыря. На этом озере было много лягушек, имевших очень красивый ярко-синий цвет, и ни один солдат не уходил до тех пор, пока не поймал бы одну из них. Мы приехали в маленький городок, большую часть населения которого составляли евреи. В тот же день нам пришлось пройти несколько миль, сквозь снега и болота, вода в которых доходила нам до колен, пока не получили постой на ночь. Я и еще четверо

¹³ Колобжег (Kołobrzeg), Польша. — Прим. перев.

¹⁴ Белоград (Białogard), Польша. — Прим. перев.

вошли в дом одного еврея. Комната была полна соломой и коз. Поскольку там не было ни печи, ни дров, мы отправились в другой дом, где нашли еврея и взяли его в заложники, ибо только таким грубым поведением мы могли заставить его жену принести нам еды.

На время пока мы осаждали Кольберг, нас отправили в лагерь, располагавшийся в болотистой местности. Там не было ни бревен, ни даже соломы, и наши казармы были построенные из земли и дерна, а вокруг них были вырыты канавы.

Поскольку из-за постоянной сырости тоже можно заболеть, я заболел, и мне пришлось ехать в госпиталь в Штеттин¹⁵ — крепость у моря. Когда я приехал туда с несколькими своими товарищами нашего полка, мы были помещены под самой крышей трехэтажной больницы. Каждый день возле меня умирало 12–15 человек, от чего меня сильно мучило, и, возможно, это стало бы причиной моей смерти, если бы я и еще четверо товарищей уже на второй день пребывания не сообщили, что чувствуем себя лучше и не сбежали бы оттуда. Если верить слухам, то в этом госпитале и еще трех других в этом округе, содержалось около 6 000 больных, и всем, у кого имелся хоть какой-то

¹⁵ Щецин (Szczecin), Польша. — Прим. перев.

аппетит, приходилось страдать от голода. И это тоже стало причиной моего бегства оттуда. На третий день, нас пятерых человек отпустили, и мы без задержки отправились в наш полк.

В крепости Штеттин располагались вюртембергские солдаты, которые были одеты в униформу белого и красного цветов, то есть, такую же, как и у австрийцев. Эта крепость занимала такую позицию, что могла быть осаждена только со стороны Берлина. Здесь река Одер впадает в Балтийское море. Она, вместе с болотами, которые простираются на милю, окружает две трети периметра города. Над болотами проложена плотина в милю длиной, простирающаяся к мосту возле деревни Дам.¹⁶ Это большой и красивый город, но, особенно, прекрасны большие торговые корабли в гавани.

Когда мы впятером без промедления прибыли к Кольбергу, мы имели честь в добром здравии продолжать осаду еще три недели. День святой Троицы особенно остался в моей памяти, потому что в тот день состоялся штурм крепости.

После полуночи мы покинули лагерь, все полки двинулись вперед через болото, и когда,

¹⁶ Теперь это часть города Щецина — Дамбье (Dąbie). — Прим. перев.

наконец, на форпостах раздались первые выстрелы, нам было приказано атаковать вброд рвы и валы с фашинами, разбрасывая и переворачивая внешние укрепления. Когда я стоял во рву, то каждый передний солдат должен был вытащить следующего при помощи ружья. Валы были песчаные, и все чаще солдаты падали либо от огня противника, или просто из-за оползающего под ногами песка. Огромные пушечные ядра пролетали над нашими головами, гремя так яростно, что нам казалось, что земля рассыпалась под нами. Когда почти все были на вершине земляного вала, многие пруссаки были уже уничтожены, а оставшиеся в живых бежали к воротам.

Тогда мы тоже хотели завладеть воротами, чтобы войти в город, но в этот критический момент пруссаки выстрелили в нас из малых и больших пушек, и закрыли ворота.

Так как все виды снарядов и ракет подобно ливню вырвались из крепости, мы были вынуждены обратиться в бегство. Тем, кто вскарабкался на вал, пришлось прыгать из крепости в ров вместе со своими пленными, и все остальные должны были сделать то же самое. Во время этого отступления многие падали на штыки, многие утонули, и многие из нас были взяты в плен, позднее отведены в

крепость и отправлены в Данциг¹⁷ морем.

Вернувшись в лагерь, мы видели, что многие потеряли шлемы, ружья, сабли, ранцы и пр. Многие осматривали себя, выискивая ранения из-за частых паданий и множества ушибов, у некоторых их не было, однако, большинство не знали о полученных повреждениях, пока не добрались до лагеря.

В этом лагере были поляки, вестфальцы, французы и, как уже говорил, лишь два вюртембергских полка. Однажды утром пруссаки на кораблях с моря внезапно напали на поляков, как это было уже раз на Пасху. Пушечный огонь был настолько сильным, что поляки не могли быстро ретироваться. Их пушечные ядра преодолевали более половины пути к нашему лагерю, в то время как наши ядра летели параллельно воде, и, поскольку окружающие болота замерзли, ядра могли катиться по льду так быстро, что одно часто могло сбить с ног человек 10–12 и часто ломало солдатам ноги. Во время этой осады пруссаки часто совершали вылазки, хотя каждый раз возвращались обратно с большими потерями.

К концу четвертой недели пришла команда от генерала Вандамма, вернее от принца Жерома, что оба вюртембергских полка должны форсированным

¹⁷ Гданьск (Gdańsk), Польша. — Прим. перев.

маршем идти в Силезию на осаду Зильберберга.¹⁸

Перед уходом мы должны были получить дополнительных лошадей в небольшом городке Белгард, чтобы перевозить ранцы и пр. Это принесло мне несчастье, поскольку мой ранец, плащ, штык, и все деньги, которые я хранил в поясе своего плаща, были потеряны. Я был на своей квартире. И когда узнал об этом, решил взять лошадь и скакать в другие роты, чтобы отыскать свои потерянные вещи, но я должен был сделать военную реквизицию и вместе с хозяином найти его лошадь в лесу, поскольку я видел навоз в конюшне. Когда у меня появилась лошадь, она была без седла и уздечки, и мне пришлось сделать уздечку из куса веревки. Я проехал около трех миль по окрестным деревням, но ничего не нашел. В итоге я заблудился и не знал, как спросить, куда мне надо было ехать, потому что из-за диалекта я не мог вспомнить название деревни, но я верил, что могу вспомнить дорогу. Наконец, когда совсем стемнело, у меня не было другого выбора, как позволить лошади самой идти, куда ей вздумается, что оказалось хорошим решением. Лошадь шла полночи через пустоши и леса, и, поскольку я не позволил ей пастись, она отправилась домой, в свою деревню, и мне

¹⁸ Сребна Гора (Srebrna Góra), Польша. — Прим. перев.

пришлось смириться со своей потерей.

От этой деревни путь пролегал через Померанию и Польшу в Бреслау. В Калише мы получили фургоны и все вместе приехали в них в лагерь у Франкенштейна¹⁹ и Райхенбаха.²⁰ Мы прибыли туда в июне месяце.

Крепость Зильберберг всем вюртембергским полкам и баварцам пришлось взять в осаду. Из-за высоких стен штурмом взять ее было нельзя, а сдаваться город не хотел. План этой крепости мог быть изучен многими нашими людьми, которые попали в плен, но только после войны. Во время войны им даже не было позволено увидеть дорогу, по которой они пришли сюда.

Спустя две недели, несколько полков оставались перед крепостью, а другие, среди которых был и мой, должны были начать осаду Глатца.²¹ Когда началась блокада этой крепости, вюртембергские войска стали лагерем в цветущем ржаном поле, и ее стебли были нужной длины,

¹⁹ Зомбковице-Слёнске (Ząbkowice Śląskie), — Польша. — Прим. перев.

²⁰ Дзержонюв (Dzierżonów), Польша. — Прим. перев.

²¹ Клодзко (Kłodzko), Польша. — Прим. перев.

чтобы использовать их для строительства казарм, что имело большое значение, если надо было жить в условиях полевого лагеря.

Прибыв на это поле, я поспешил отыскать моего брата, служившего в полку Лилиенберг. Здесь мы встретились, обнялись, приветствуя друг друга, и радость наполнила наши сердца. Потом он отвел меня к себе в казармы и отдал мне несколько штанов, рубах, и несколько других предметов одежды, который мне нужен, поскольку, как я уже сказал, я потерял почти все в Кольберге.

Когда крепость Глац была полностью окружена, осажденные несколько раз атаковали нас, что всегда заканчивалась потерями пруссаков. Через две недели, мы предприняли атаку на город и крепость — каждый лагерь начал ее около часа ночи. Осторожно, избегая всякого шума и случайных выстрелов, мы прошли колонной через поле в сторону форпоста. Люди были по шею мокрыми из-за росы на стеблях ржи. Когда форпосты открыли огонь, нам была дана команда идти на штурм, и всем пришлось пройти через реку, глубина в которой порой доходила до груди. Когда под дождем из пуль бруствер, располагавшийся перед нами, был пройден, многие пруссаки вместе со своими женщинами и детьми, были заколоты и застрелены, некоторые были оставлены в живых, и вместе с лошадьми и пушками, оставлены за

стенами крепости. Затем полк Лилиенберг атаковал городские ворота, но эта попытка, несмотря на большие потери, оказалась безрезультатной. Пока противник оборонялся в плотно застроенных частях города, на нас обрушился страшный обстрел легкой и тяжелой артиллерии, и нам пришлось покинуть наши позиции. Бруствер был взорван большими минами, и повсюду летали снаряды, так называемые Pechcränze — деревянные кольца, обмотанные вымоченной в смоле веревке, которые можно было потушить, только присыпав их землей.

Возвратившись в лагерь в «небольшом» расстройстве, на рассвете все стали разыскивать своих друзей. Со сжимающимся от страха сердцем я искал своего брата, и мы нашли друг друга целыми и невредимыми. Все, кто знает, что такое братская любовь, конечно, могут себе представить нашу радость в этот момент.

Когда эта атака закончилась, нам сказали, что, если пруссаки не сдадутся, мы будем атаковать крепость снова следующей ночью. Однако, в связи с объявлением мира, повторная атака так и не состоялась. Если кто-нибудь видел взрывы, он может представить себе великолепную картину штурма крепости, которая намного красивее, чем обычное полевое сражение.

В воздухе невероятное множество бомб и гранат, летящих во всех направлениях, они плыли

как огненные шары и взрывались либо в воздухе, либо на земле. Потом снова пушечный выстрел, снаряд медленно поднимается, а потом быстро падает — иногда сталкиваясь с другим, и это красивое зрелище. Иное дело, тяжелое ядро, которое летит незаметно, с небольшим шипением. Однако, гранаты, а особенно, бомбы, летят со звуком, подобным шуму мощных крыльев рассекающих воздух стервятников.

Мы еще несколько дней оставались в этом лагере, а затем перешли в постоянный лагерь в районе Рейхенбаха, и, наконец, каждые две недели перебрасывались с другие районы. В день св. Якова все вюртембергцы покинули Силезию, направляясь во Франкфурт-на-Одере, в свои постоянные лагеря в Браденбурге — около Берлина в Старгарде,²² Фюрстенвальде,²³ Бескове и других местах.

Здесь мы пробыли одиннадцать недель, среди бедных крестьян, которые из-за неурожая в регионе не имели ничего, кроме картофеля, бобов и баранины. В частых разговорах о хорошей еде, которой им приходилось нас кормить, они

²² Старгард-Щециньски(Stargard), Польша. — Прим. перев.

²³ Фюрстенвальде (Fürstenwalde/Spree), ФРГ. — Прим. перев.

намекали на то, что мы, должно быть, прибыли из сытой страны, поскольку мы, питаясь их лучшей пищей, не оценили ее, и в угоду своему аппетиту съели всех их овец.

Для тех, кто хочет понять, почему они так бедны, вот мои соображения:

Во-первых, эти люди по-прежнему связаны со своими дворянами большой барщиной — барон требует от крестьянина свою часть — четверть от всего собранного урожая арендатора, или его сына к себе на работу от четырех до шести дней в неделю без оплаты. Подобным образом он берет его дочь на шесть лет без оплаты ее труда, так же и правитель забирает его сына на службу в армию. Зависимый, или полузависимый крестьянин должны отрабатывать в зависимости от размера своего имущества. Так что встречаются деревни, где мужчина с женой и детьми работают от трех до пяти дней на дворянина, а оставшееся время на себя. Однако за это он получает столько земли, от землевладельца, сколько захочет, сможет обработать.

Во-вторых, грунты здесь большей частью состоят из песка, так что при посеве и возделывании земли требуется оградить ее небольшим забором, чтобы предотвратить выдувание почвы и семян. Поэтому можно выращивать только овес, картофель, рожь и редко

где пшеницу.

В-третьих, отсутствие культуры, особенно физической культуры, готовности к работе, понимания и религии. Редко кто ходит в церковь, только старики. Я сам часто видел, как пастор в воскресенье читал свою проповедь восьми или десяти людям, с полным отсутствием всякого желания. Я узнал также от моего домовладельца, что его сын, лет одиннадцати или двенадцати, не умеет ни читать, ни писать и ничего не знает о религии. Имевшаяся у него книга, дала мне возможность в этом убедиться.

Так как я умел читать, я знал десять заповедей, и я спросил, учили ли дети их в школе. Хозяин ответил: «Да, они должны были учить, но мой сын не знает их и не умеет ни читать, ни писать. Я стараюсь, чтобы он выучил их». Поскольку, эти люди малообразованны даже в вопросах собственной религии, нехристианские и еретические книги служат тому, чтобы научить их ненавидеть другие вероисповедания. Поэтому такие люди достаточно слабы, и готовы верить разным родам басням. Я убедился в этом, прочитав такую книгу и поговорив потом с этим крестьянином. И мне пришлось сыграть роль могильщика: привязав камень к их книге, я утопил ее в большом озере.

Через три месяца, весь наш корпус отправился домой. Путь в Эльванген пролегал через Плауэн,

Нюрнберг, Байройт, Ансбах, и Динкельсбюль. Король уже ждал нас, и в Шлоссфелде нам был устроен смотр. Было необычайно холодно в этот день, хотя мы уже привыкли к холодам. Перед прибытием в Эльванген моя рота провела ночь в маленьком городке Вайльтинген, что располагался в «Старом Вюртемберге». Ожидалось, что все закричат от радости от возвращения домой после пересечения границы, но на деле были лишь ругань и препирания по поводу выделенных нам плохих квартир. На этом кампания закончилась, и к нам с братом пришли две мои сестры и наши друзья. Воссоединение семьи стало большой радостью, и не могло быть большего доказательства семейной любви.

ГЛАВА II

КАМПАНИЯ 1809 г.

После прусской кампании я разными способами пытался заработать денег. Когда в 1809 году вспыхнула война с Австрией, меня призвали в Штутгартский гарнизон. Мой полк вместе с несколькими другими были уже на марше в Шорндорф, дорога в который пролежала через Баварию. Однако вскоре курьер нагнал нашу колонну — он привез с собой приказ вернуться в Штутгарт, а на следующий день прибыл новый, с

приказом идти в Тироль через Адлерберг. Мы прошли через Хехинген, Киллерталь, Заульгау, Альтсхаузен, а затем монастырь Вайнгартен. Там мы уже заметили первые аванпосты противника, но мы по-прежнему имели хорошие квартиры и много местного Боденского вина.

Когда тирольские повстанцы услышали о большой французской армии, поддерживаемой баденскими союзниками, они отступили, и мы продвинулись вперед по всем направлениям. Армия тогда прошла Равенсбург и Хофен²⁴ на Боденском озере, пока противник с небольшими перестрелками отошел в Линдау и, наконец, вернулся обратно, к себе в горы.

В Хофене также стоял полк Лилиенберга, в котором служил мой брат, и мы смогли встретиться в его квартире. Легко представить, как мы, братья, от души радовались нашей встрече. Беспокойство, что одного из нас настигнет возможное несчастье, было огромно, потому что мы редко виделись и не могли позаботиться друг о друге.

После нашей встречи мне пришлось пройти через Буххорн в Линдау. Этот последний был расположен на острове посреди озера, и к нему вел деревянный мост. Повстанцы покинули этот город,

²⁴ Фридрихсхафен (Friedrichshafen), ФРГ. — Прим. перев.

испугавшись, что его заблокируют. Первый батальон моего полка оставался десять недель в этом городе, в нем же размещалась французская кавалерия. За это время противник успел сделать несколько вылазок против нас, среди которых было несколько особо примечательных.

Когда я стоял в пикете у засеянного льном луга в окрестностях Брегенца, противник пошел на нас через виноградники. Форпосту пришлось вернуться обратно на пикет. Пикет стрелял, но противник продолжал наступать. Пока солдаты стреляли отовсюду, где могли занять позицию, мы расположились за белильней и перешли к обороне. Чтобы иметь возможность лучше стрелять, я забежал в стоявшую впереди дощатую хижину. Поднявшись по наружной лестнице, я положил свое ружье на перила, откуда мог бы вести прицельный огонь по каждому кто бы ни приблизился. За время пока я стрелял, я израсходовал сорок из моих шестидесяти патронов. Вражеские пули продолжали сыпаться градом на мою лачугу, и враг смог подойти слишком близко к ней. После этого я бросился вниз по ступенькам и через луг побежал за пикетом, который уже отступал в сторону города. Затем я бежал через сады и кусты. Но, тем не менее, враг подошел к воротам лишь ненамного позже, чем я сам. Я так запыхался, что чуть не умер.

После того как мы все отступили в город, враг оставался рядом с ним еще три дня, постоянно ведя огонь. Мы, возвели бруствер из мешков с песком и оборонительными железными шипами. Мы вели огонь через бойницы и небольшими пушками со стены. Во время одного из сильных обстрелов я застрелил человека прямо перед садовым домиком — он подошел к брустверу и попытался выстрелить через бойницу, но, после моего выстрела он сразу же упал. Несколько других человек, как это часто бывало, хотели унести мертвеца, однако, чем чаще они пытались это сделать, тем чаще сами получали ранения. Наконец мы выстрелили из пушек по большим и красивым садовым домам и подожгли их. На третий день противник, не выдержав постоянного и сильного артиллерийского огня, вернулся обратно в свои горы.

Как только дорога была очищена, тысячи деревьев в садах были вырублены вместе с высокой и красивой изгородью, остальные же здания были полностью снесены, чтобы не мешать обстрелу. Это нанесло городу общий ущерб в один миллион гульденов.

Через некоторое время мы снова начали наступление, для участия в котором к нам присоединились полк Лилиенберга, баденцы, французы и стрелки. Враг был атакован перед Линдау, и отброшен обратно в горы. Перед атакой,

для авангарда собирали добровольцев-стрелков, и я пошел с ними. Нас было 160 человек, и нами командовал лейтенант. Под непрерывным огнем, около пятидесяти стрелков оказались отрезанными от нас, взяты в плен и отведены в горы. Все наши добровольцы преодолели половину расстояния до гор, находившихся в двух штурме ходьбы от Линдау, чтобы освободить наших людей. И когда мы заметили, что колонны идущей позади нас не было — она разорвалась посередине — и наш отряд оторвался от нее на три четверти часа пути, мы слышали звуки перестрелки далеко слева и справа, как будто он раздавался из Кемптена, и по правой стороне — из Брегенца. Казалось, это может заставить наших солдат начать отступление, так и случилось. Лейтенант захотел отступить, но мы воспротивились, потому что хотели вернуть взятых в плен товарищей. Лейтенант не согласился с нами, и нам пришлось отойти в маленькую деревушку у подножия гор. При входе в эту деревню, из каждого дома и сада по нам открыли огонь, а наша основная армия уже находилась на полпути к Линдау. В тот момент каждому пришлось довериться только своим ногам, и под шквальным огнем противника, мы бежали до тех пор, пока вообще не смогли нормально дышать. Мы нашли весь наш корпус в дубовой роще в получасе ходьбы от Линдау. Здесь мы хотели сделать привал, но не могли, поскольку

существовала опасность попасть в окружение повстанцев.

Теперь отряд отступал медленно, пока возле города не занял позиции для стрельбы. Здесь мы пробыли полчаса, и все стреляли, как могли. Были выставлены пушки, но даже картечный огонь не помогал нам, поскольку, расположившись полукругом, враги предприняли все способы, чтобы не пострадать от нашего огня — они залегли за изгородями, деревьями и пригорками, и в таком положении каждый их солдат мог легко поражать нашу плотную колонну. Мы понесли тяжелые потери, а когда враг приблизился к городским воротам, чтобы отрезать нам обратный путь, мы поспешно отступили в город.

Следует сказать о крестьянах, которые должны были подогнать свои повозки, чтобы забирать раненых, и которые должны были присутствовать с самого начала вражеской атаки. В каждую повозку были впряжены четыре лошади и ее сопровождали четыре человека. Как только началась стрельба, они должны были оставаться с нами. Никто из них не осмелился сидеть на своей лошади прямо: они всем телом вжались в них, а те, кто посреди ужасного шума битвы бросились бежать, позднее были высечены за свою трусость.

За это время, что я был в Линдау, 2-й батальон

полка Франкемона, находившийся в Вангене²⁵ и Исни,²⁶ в полном составе сдался в плен. После заключения мира мы двинулись в Брегенц — город у Боденского озера. Тем не менее, вход в этот город мог быть небезопасен, и поэтому несколько спустившихся с гор полков вошли в город через боковые, а те, кто шел из Линдау — через главные ворота.

И в самом деле, полк Лиленберга некогда прежде уже был вынужден раз бежать из этого города после его завоевания. Это случилось таким образом: в то время как солдаты грабили дома и кладовые, противник вошел в город и по трем узким ущельям вывел всех жителей в горы. Но в тот раз враг не воспользовался своим преимуществом. Вместо того чтобы атаковать наших солдат, они, перекрыв все выходы из города, могли их всех взять в плен. А вместо этого они только стреляли вниз с гор по убегавшим солдатам, даже не потрудившись занять лучшие позиции для обстрела.

После входа в Брегенц, солдаты полностью

²⁵ Ванген-им-Альгой (Wangen im Allgäu), ФРГ. — Прим. перев.

²⁶ Исни-им-Альгой (Isny im Allgäu), ФРГ. — Прим. перев.